

9. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 40. Vsepoddannejšie doklady po chasti trgovli i promyšlennosti i trgovye dogovory s inostrannymi gosudarstvami. Op.1. D.19. Vsepoddannejšij doklad ministra finansov 20 janvarja 1867 goda.

10. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 95. Otdely trgovogo moreplavanija i trgovyh portov ministerstva trgovli i promyšlennosti. Op.1. D. 60. Ob uchrezhdenii v pribrezhnyh mestnostjah Rossii morehodnyh klassov (1867–1872 gg.).

11. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 95. Otdely trgovogo moreplavanija i trgovyh portov ministerstva trgovli i promyšlennosti. Op.1. D. 558. Perepiska Ministerstva narodnogo prosveshcenija po voprosam dejatel'nosti morehodnyh uchebnyh zavedenij i po proektu polozhenija ob uchilishchah sudohodstva (1881 g.).

12. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 95. Otdely trgovogo moreplavanija i trgovyh portov ministerstva trgovli i promyšlennosti. Op.1. D. 564. O morehodnyh klassah i shkiperskih kursah, nahodjashchihsj v S.-Peterburgskom uchebnom okruge (1881–1897 gg.).

13. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 95. Otdely trgovogo moreplavanija i trgovyh portov ministerstva trgovli i promyšlennosti. Op.1. D. 653. O fiktivnyh shkiperah na kabotazhnyh sudah v Taganrogskom porte i upravlenii imi v dejstvitel'nosti grecheskimi poddannymi i izmenenija porjadka vygruzki ballasta.

14. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 95. Otdely trgovogo moreplavanija i trgovyh portov ministerstva trgovli i promyšlennosti. Op.1. D. 2055. O preobrazovanii uchilishch trgovogo moreplavanija (1889 g.).

15. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 95. Otdely trgovogo moreplavanija i trgovyh portov ministerstva trgovli i promyšlennosti. Op.3. D.93. O preobrazovanii morehodnyh klassov (1894 g.).

16. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 95. Otdely trgovogo moreplavanija i trgovyh portov ministerstva trgovli i promyšlennosti. Op.3. D. 323. O morehodnyh klassah (1895 g.).

17. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 95. Otdely trgovogo moreplavanija i trgovyh portov ministerstva trgovli i promyšlennosti. Op.18. D. 1. Zhurnal pervogo sobranija Vysochajshe utverzhdenogo Komiteta dlja razvitija trgovogo flota.

18. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv. Fond 733. Departament narodnogo prosveshchenija ministerstva narodnogo prosveshchenija. Op.193. D.268. O preobrazovanii uchebnyh zavedenij trgovogo moreplavanija (1866–1867 gg.).

19. Statisticheskie dannye o sudovoditeljah i sudovyh mehanikah na morehodnyh sudah russkogo trgovogo flota k 1 janvarja 1915 goda. Petrograd, 1915. 71 s.

20. *Filippov Ju. D.* Istorija russkogo trgovogo flota so vtoroj poloviny XIX veka. SPb., tip. Redaktsii period. izd. Ministerstva finansov, 1908. 31 s.

21. *Filippov Ju. D.* Oчерк uslovij razvitija otechestvennogo trgovogo moreplavanija. Petrograd, 1916.

22. Shkiperskie klassy i shkiperskie kursy. SPb., 1899. 65 s.

О. В. Кошина

ЭВОЛЮЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена эволюции религиозного мировоззрения в образовательной среде Среднего Поволжья второй половины XIX — начала XX века. Автор рассматривает проявления религиозности в школьной жизни: церковные праздники, почитание монарха как сакральной персоны, восхищение церковно-приходской школой. С другой стороны, в статье анализируются проявления рационализма, нигилизма, неподчинения авторитетам в учительской и ученической среде.

Ключевые слова: религиозное сознание, церковно-приходская школа, рационализм, ценностные ориентации, ментальность.

Evolution of Religious Worldview in the Educational Environment on the Mid-Volga Territories in the Second Half of 19th — the Beginning of 20th Centuries

The article deals with the evolution of religious worldview in the educational environment on the Mid-Volga territories in the second half of 19th – the beginning of 20th centuries. The expression of religiosity in everyday school life are described: church holidays, worship of the monarch as a sacred person, admiration by the church school. On the other hand, the article analyses the expression of rationalism, nihilism, disobedience to authority in students' and teachers' communities.

Keywords: religious consciousness, church school, rationalism, value orientations, mentality.

Период второй половины XIX — начала XX века являлся переходным для развития российской экономики, социума, духовной культуры. Социальный стресс, который испытывало общество, сопровождался сменой его системы ценностных ориентаций. Одной из составляющих эволюции общественного сознания в изучаемый период было постепенное проникновение элементов светского мировоззрения в массовое религиозное сознание населения. Трансформация мировоззренческих, психологических, поведенческих установок населения проявлялась в разных сферах жизни. В образовательной среде, ретранслирующей культурно-социальный опыт, эти изменения были особенно заметны.

Эта социокультурная тенденция нашла свое отражение, в частности, в дискуссии между апологетами церковно-приходской школы и сторонниками более светской по характеру земской начальной школы. За этим спором стояла необходимость выбора наиболее предпочтительного для низших слоев населения типа массовой школы и борьба различных ведомств и политических сил за влияние на население. С одной стороны, начальная школа должна была отвечать социокультурным запросам народа, а с другой — стать одним из эффективных механизмов и проводников государственной культурно-идеологической политики.

Апологетами земской школы в России были многие педагоги, деятели образования второй половины XIX — начала XX века: Б. Б. Веселовский, В. П. Вахтеров, П. Ф. Каптерев, В. Я. Стоюнин, В. Чарнолуский, Н. В. Чехов и др. Сторонники земской школы именно ее считали более соответствующей социальным ожиданиям крестьян: «Земская школа — плод народно-общественного творчества. В основе ее — школа, созданная мастерами грамоты. Из частной школы, существовавшей на основе частного договора между родителями учеников и учителем, она превратилась в общественную сельскую школу, содержащую сельским обществом» [12, с. 439].

Другие деятели народного образования изучаемого периода, такие как К. П. Победоносцев, Ф. Д. Самарин, С. А. Рачинский, были убежденными сторонниками преимуществ церковной школы. Одним из «певцов» идеи просветительской миссии духовенства был В. И. Шемякин, главный наблюдатель церковно-приходских школ (ЦПШ) Российской империи, член Училищного совета при Св. Синоде, один из разработчиков положения о ЦПШ 1884 г. Главной функцией церковной школы, по его представлениям, была не образовательная, а именно воспитательная: «После церкви естественным воспитателями народа являются семья и общественно-государственное устройство. А посредник — школа. В школе отражается народно-религиозное настрое-

ние, дух семьи, уважение к правде, закону и личности в общественной и государственной жизни. Роль школы как матери семейства. Школа — семья, на основе традиций и требований современной жизни, независимо от партий, воспитывает народ» [21, с. 1–2].

Главный изъян современной ему системы образования Шемякин видел в увлечении рациональным знанием и в недостаточном внимании к религиозному воспитанию детей. Недостаток этот, по его убеждению, могла исправить массовая церковная школа: «Церковная школа явилась как законный противовес тому одностороннему космополитическому направлению, какое воплотили министерские и земские школы. Нас ослепляют и наполняют гордостью научные открытия и изобретения. Вера в науку заставляла многих еще в позапрошлом столетии скептически относиться к религии. Но наука достигла в XIX столетии невероятных открытий, а свобода и счастье не даны человечеству, бедным стало жить еще тяжелее. Золотой телец — идол богатых, не дает им счастья и душевного покоя. Ум с сердцем не в ладу, но есть надежда, что поладят» [21, с. 2–4].

Можно не соглашаться с доводами В. И. Шемякина, критически относиться к церковно-просветительскому направлению в российском образовании, ссылаясь на его излишнюю патриархальность, старомодность, идеализацию роли церкви в воспитании самосознания населения, но нельзя отрицать, что религиозное мироощущение занимало еще прочные позиции в массовом сознании второй половины XIX — в начале XX века.

Одним из устойчивых поведенческих стереотипов населения в этот период было празднование различных религиозных праздников, что нередко отвлекало детей от учебы. Училищные власти вынуждены были считаться с народными традициями и приспособлять график занятий к сложившимся в каждой местности обычаям. В

1867 г. попечитель Казанского учебного округа Шестаков по требованию Министерства народного просвещения (МНП) обратился к директорам училищ различных губерний с просьбой донести, существуют ли в городах местные праздники, освобождающие учащихся от классных занятий. Штатный смотритель Краузе доложил директору училищ Пен-зенской губернии: «В г. Наровчатке все местные праздники бывают в Господские и прочие Церковные праздники или во время летней вакации. В г. Мокшане дети не ходят в школу 8 ноября (День Михаила Архангела). В первый день не сходят как на престольный праздник, во второй на реку на Крестный ход» [1, л. 13, 18, 19, 23].

Штатные смотрители сызранских и алатырских училищ Симбирской губернии сообщили: «В Сызрани существует день выноса явленной чудотворной иконы Божьей матери 12 июня из монастыря в городе; в Алатыре: 21 мая и 9 августа — крестный ход вокруг города в память избавления от ханства. Ученики уездного училища освобождаются от учения 28 октября в День Параскевы Пятницы, как в приходской праздник. Штатный смотритель из Буинска доложил: Праздник Михаила Архангела 8 ноября, который считают за праздник как церковный, потому что в честь Михаила Архангела назван здешний собор, так и народный, так как оставляют все домашние заботы на несколько дней. Большая часть небогатого населения приучает и детей не посещать занятия в эти дни. Члены Педагогического Совета принимали всевозможные меры к прекращению отвлечения учеников от училища, но народные издавна укоренившиеся здесь обычаи берут верх» [9, л. 1–3, 7].

Сторонники церковной школы были правы в том, что действительно заметная часть населения, особенно крестьянского и низших городских слоев, оказывала большее доверие именно церковной школе как более «своей», соответствовавшей социокультурным запросам, традиционному строю жиз-

ни, мироощущению крестьян. Из статьи в «Пензенских епархиальных ведомостях» за 1895 г.: «Как относится к школе местное население? Школьные порядки и господствующий в школе дух церковности нравятся местному населению; особенно умиляет крестьян хоровое пение учеников в храме. Часто родители заставляют своих детей повторять слышанные ими в классе уроки по Закону Божию и с большим вниманием слушают рассказы из Священной Истории. Так как церковная школа вполне соответствует народному складу жизни и потребностям, то каждый родитель старается поместить своего ребенка в школу, даже иногда ранее достижения последними школьного возраста» [16, с. 54–55].

Встречались случаи преобразования училищ других ведомств в церковные школы по желанию местных крестьян, о чем свидетельствует переписка Сенгилеевского уездного училищного совета с Симбирским губернским училищным советом за 1897 г. по поводу желания крестьян села Дворянского Сенгилеевского уезда о преобразовании местного сельского училища в ЦПШ: «Губернский училищный совет принял во внимание: во-первых, единодушное желание крестьян: два приговора в 1895 г. и в 1897 г.; во-вторых, мотив крестьян — не материальный расчет, так как в случае преобразования они получают в распоряжение всего 340 руб. на ЦПШ; в-третьих, Правительственного распоряжения о том, что можно воспрепятствовать желанию крестьян преобразованию школы, нет» [5, л. 1,4].

Вся школьная жизнь была пронизана религиозными праздниками и ритуалами. Из статьи 1900 г. в «Пензенских губернских ведомостях»: «Церковно-приходской школой при Св. Духовской церкви г. Пензы была устроена елка для учеников этой школы. Детский праздник открыли пением народного гимна «Боже царя храни», покрытого громогласным «ура». Затем епархиальный наблюдатель прочитал ученикам «Предание о рождественской елке». Ученики читали

стихи и басни в лицах. Пели детские песни под управлением дьякона П. Н. Васильева...» [13, с. 37].

Религиозные обряды были неотъемлемой составляющей не только церковных школ, но и других типов училищ. Из донесения 1879 г. директору народных училищ Самарской губернии заведующего Бугурусланским двухклассным городским училищем: «Имею честь донести Вашему Высочородию, что 29 марта Христианский долг исповеди и причащения Святых Христовых Тайн учащими и учащимися училища исполнен» [18. л. 21].

Приучение детей к церковным обрядам не было лишь данью традиции и внешней ритуальности, законоучителя и многие деятели народного просвещения видели в этом залог правильного нравственного развития детей. Вера соотносилась с внутренним нравственным стержнем, основой гармоничного развития личности. Из отчета по религиозно-нравственной части Симбирского духовного училища за 1889–90 гг.: «Начиная и оканчивая день молитвой, ученики были приучаемы к тому образу жизни и порядку в своих занятиях, какой установлен для них. Это одно из главных средств развития в них добрых привычек и утверждения доброй нравственности. При всех возможных случаях им внушались были правила внешнего приличия, вежливости, бережливости и опрятности» [3, л. 22 об., 23].

Отождествление воцерковленности и нравственного поведения было близко умонастроениям самих крестьян. Губернские епархиальные ведомости и другие издания духовного ведомства публиковали статьи авторов (порой безымянных), возможно, носящие зачастую пропагандистский характер, однако, видимо, отражающие и истинные настроения, и желания части крестьян. Приведем эмоциональное, составленное в полемическом стиле восхваление церковной школы от лица крестьянина В. Крупнова: «Чем руководствуются те люди, которые не

только не жертвуют своих средств, своих трудов на устройство церковно-приходской школы, но иногда и позволяют себе говорить, что эта школа не приносит совершенно никакого плода нашему брату-крестьянину... Чтобы заградить уста этим фанатикам, я хочу сказать несколько слов о результатах, вынесенных мною из ЦПШ. Я бывший ученик Казачье-Пелетьминской ЦПШ Пензенской губернии Мокшанского уезда. В школу поступил 8-летним мальчиком, не понимающим «ничего». Прошел месяц-другой, я научился читать и писать... Какая радость была тогда у меня на душе и у родителей! Пробыв в школе три года, я научился, как возносить молитву Всевышнему Творцу и Спасителю нашему. Школьное учение обратило мои мысли и сердце к Всеблагому Богу, воле Которого подчинено все и от щедрот Которого подаются блага всему миру. Школа крепко мне вложила в уста слова молитв, а в ум и сердце смысл сих слов и научила освящать всю трудовую жизнь молитвенными воздыханиями к Небесному Отцу, ...молитвы за Царя и властей, за родителей и сродников живых и умерших — притом молитвы не только наружные, а искренние, сердечные. Школа научила меня, чтобы я, прежде других человеческих писаний, читал богоугодные книги. Школа научила меня находить отраду и утешение в посещении богослужения в воскресные и праздничные дни. Школа научила меня почтительно относиться к родителям, благоговеть перед Его Императорским Величеством, почитать (Богом установленных) властей и всех старших. Словом, школа дала мне такое направление, чтобы я проходил жизненный путь под кровом святой Церкви, в мире и любви с ближними, с твердою верою в Бога, во власти которого и жизнь, и смерть всего мира. Дай Бог, чтобы наша школа процветала, а темный ум противников ее просветился бы познанием истины» [17, с. 128–130].

Даже поверхностный анализ этого сочинения дает понимание ценностных ориентиров и образовательных приоритетов автора. Из учебных навыков, полученных в школе, В. Крупнов называет только умение читать и писать. Все остальные преимущества церковной школы он видит в ее воспитательном назначении: она учит возносить молитвы, посещать богослужения, почитать родителей, благоговеть перед императором и властями, жить в мире и любви с ближними.

Немаловажно отметить то обстоятельство, что структура общественного сознания того времени предполагала неразделимую органическую взаимосвязь веры в Бога и веры в Царя как сакральную фигуру, ниспосланную свыше. В образовательной среде мы можем наблюдать множество проявлений преклонения перед государем императором, основанного на искреннем религиозно-патронимическом чувстве. После покушений на Александра II в школах проводились молебны в честь спасения царя от гибели и собрания учеников и учителей, порицающие преступников.

Приведем выразительную речь законоучителя бугурусланских приходских училищ священника И. Михайловского на собрании всех учебных заведений г. Бугуруслана 24 ноября 1879 г.: «Дети и учащие! Вчерашний день телеграмма МВД известила нас, что драгоценная жизнь нашего Царя-Освободителя миллионов народа опять в пятый раз подверглась опасности, и опять в пятый раз Промысел Божий эту драгоценную жизнь сохранил. Кто этот злодей или злодейка, из телеграммы не видно, но вероятно человек только по телу, а по душе зверь, отребье мира, исчадие ада, если не сам сатана. Но если жизнь каждого из нас зависит от Воли Всемогущего, то Ему и помолимся об этой Великой и драгоценной жизни, хранящей все целое, Великое Отечество, которому без этой великой жизни грозит великая опасность, разрушение. Помолитесь же с детскою, неподдельною, исте-

кающею из глубины сердца, молитвою, ибо такая молитва есть благовонный фимиам пред Престолом Всевышнего. А на будущее время, чтоб Господь не оставил нас милостями Своими и хранил эту драгоценную жизнь нашего возлюбленного монарха, Государя, положим перед началом и после окончания уроков петь молитву за царя: «Спаси Господи люди твоя» Благоверному Императору нашему Александру Николаевичу на сопротивные даруя и твое сохраняя Крестом твоим жительство. Научите читать эту молитву и ваших родителей каждый день, вставая и ложась спать, произносите и кладите по земному поклону» [18, л. 88–88 об.].

Речь учителя построена на религиозных идеях и представлениях. Преступник, покушавшийся на жизнь царя, осуждается в ней не как нарушитель закона, а как грешник, порождение сатанинских сил, посягнувший на священную особу императора. Спасение же императора видится как залог спасения всего Отечества и объясняется Божьим промыслом. Защиту от повторения подобных трагедий автор видит в усердных ежедневных молитвах учителей, учеников и родителей.

Учителя по всей стране писали иконы в ознаменование спасения императора от очередного покушения. Донесение почетного зрителя сызранских училищ господину директору училищ Симбирской губернии в 1867 г.: «Учитель рисования Смирнов в честь чудесного избавления Государя Императора в 1866 г. от рук убийц, написал, по усердию своему, безмездно образ А. Невского (в длину 13 вершков, в ширину 11 вершков). Из составления подписки с учащихся и учащихся 10 руб. 4 коп. употребил на рамку с позолотой и стеклом и лампадку из неокладного серебра и деревянного спасла, чтобы в праздники образ всегда был в школе» [11, л. 1].

Система воспитания в духовных учебных заведениях во второй половине XIX — начале XX века предполагала формирование определенного набора личностных качеств,

которые считались идеалом добропорядочности. Вот какие наклонности и свойства характера учеников называются в числе положительных в конфиденциальных сведениях о Духовном уездном училище Симбирской губернии в 1868 г.: «Тихи, кротки, исполнительны, усердны к занятиям и вообще благодетельны, скромно обращаются с товарищами и посторонними лицами. Неуклонно выполняют приказания наставников, усердно занимаются уроками и внушают младшим правила благодетельности. Послушны, почтительны, простосердечны, правдивы при дознании проступков, охотно исполняют приказания начальства. Ревностны к учению, сознательны». Эти свойства являлись положительной характеристикой для ученика духовного учебного заведения, одним из условий его перевода в Духовную семинарию. Среди отрицательных качеств называются: «резвость и игривость, своеволие, упрямство, леность» [2, л. 1].

В статье из «Пензенских губернских ведомостей» за 1900 г. объясняется, какая польза следует для школы от посещения учениками богослужения: «...появляется внешняя чистоплотность, опрятное отношение к вещам, дети избегают дурных поступков, вредных наклонностей. Школьная инспекция считает своим долгом религиозно-нравственное воспитание, формирование набожности, религиозно-нравственного чувства, патриотизма, порядка, точности, вежливости, благопристойности, послушания» [15, с. 3].

В наборе положительных качеств, которые культивировались в учениках кроме очевидных позитивных свойств, поощряемых и в современных детях (патриотизм, вежливость, аккуратность, усердность), явно вырисовывается православный идеал кротости и смирения: «кротость, послушность, набожность». Напротив, резвость, игривость и проявление своеволия порицаются как негативные черты, противоречащие идеалу благодетельности.

Менталитет тесно связан с бытовой, будничной жизнью, он не всегда облечен в вер-

бальную форму, иногда он молчалив и проявляется скорее в деятельности, чем в речи или в ясном представлении его носителей. Неотъемлемой составляющей религиозного мышления населения в изучаемый период являлась вера в возможность чудесного исцеления от болезней при помощи чудодейственных икон. Из Протокола Курмышского уездного училищного Педагогического Совета 1867 г.: «Хотя в настоящее время и не существует праздников, освобождающих от занятий, но, принимая во внимание легкое действие повальных болезней на взрослых людей, животных, почти постоянное плодородие полей, по уверению в том всех истинных христиан города и уезда, для благосостояния жителей от Всемогущего промысла Божия и по милостивому ходатайству Божьей Матери, исходящему от Ея Св. Иконы Федоровския Божьей Матери, память которой совершается 14 марта, Советом положено этот день почтить празднеством. Икона находится в местном Успенском соборе и прославилась только в последнее время, лет за 10 пред сим, исцелением, как говорит общая молва народная, немощного и даже лишившегося зрения проживающего вдали от города престарелого священника, просвещенного верою на одре болезни и во сне, прибегнуть под милостивое заступничество Федоровской Божьей Матери, икона которой, за ветхостью, хранилась в кладовой местного собора. Этот больной священник писал настоятелю храма приметы сил иконы и Пречистого лика, просил молиться за него перед иконою. Настоятель исполнил просьбу и тот прозрел. Икона исцелила и многих других. К иконе стекается на поклонение в летнее время множество поклонников, даже иноплеменных, чуваш, мордвов, черни. Советом определено пригласить на свидетельствование чудесного явления иконы Отца благочинного протоиерея и начальствующих лиц города, представить протокол на утверждение начальства» [9, л. 11–12 об.].

Наряду с приведенными выше свидетельствами проявлений набожности, искренней веры и наивных суеверий, мы можем наблюдать в образовательной среде второй половины XIX — начала XX века и ростки атеизма, нигилизма, свойственные разночинной интеллигентской среде 1860–70-х гг. Штатный смотритель курмышских училищ П. Николаев докладывал директору училищ Симбирской губернии в 1867 г.: «При обсуждении Педагогическим советом Курмышского уездного училища местных праздников, освобождающих детей от занятий, учитель Морозов обнаружил неприличное легкомыслие над суждениями Штатного смотрителя о святости праздников и достойном чествовании их, осудил всякое распоряжение Штатного смотрителя, не признавая таковых, порицая их, и ведя себя как атеист и либерал, что составляет существенную черту его характера, и чем вредно влияет он на нравственность учащихся» [9, л. 10].

В изучаемый период встречаются факты снижения влияния авторитета священнослужителей на крестьян. Среди циркулярных предписаний попечителя Казанского учебного округа 1867–68 гг. директору училищ Пензенской губернии есть следующее: «Мировые посредники при своем влиянии на крестьян могут оказать делу народного образования громадную пользу. Без их помощи духовенству не добиться от крестьян никакого пособия на школу, это показал опыт. По распоряжению Высшего духовного начальства 2–3 года назад были открыты почти при каждой церкви училища. Все закрылись. В отношении крестьян наших духовенство не очень влиятельно...» [1, л. 157].

Случаи отсутствия набожности и должного преклонения перед авторитетами наблюдались в эти годы и в ученической среде. Смотритель Сызранского училища уведомил директора симбирских училищ в 1867 г. об исключении нескольких учеников из училища за непотребное поведение: «Эти

ученики были наказаны за плохое поведение записью в штрафную книгу и лишением перемены. Надеясь на прощение, они бросились на пол перед образами, со смехом коверкая слова и напев молитвы, за что были исключены из училища» [8, л. 38]. Сторонники преимуществ духовного образования в России с сожалением отмечали новые проявления в поведении детей: «Дети индифферентны к религии, не могут сдерживать страстей, преступают границы нравственности» [21, с. 21].

В вопросе о методах наказания непослушных учеников члены педагогических коллективов не всегда были единодушны. Вот пример такого расхождения во взглядах. В 1910 г. Инспектору народных училищ Курмышенского уезда Симбирской губернии Романову жаловался законоучитель Нарватского министерского училища священник В. Воскресенский: «Ученики перестали слушаться учителя. Я предлагаю поставить учеников на колени, пока не попросят прощения у него. И что же: трое из них пошли и встали, а один заявляет, что он не пойдет, а бросит учиться. Учитель молчит, а меня это положительно вывело из терпения, и я силой вытащил ослушника из-за стола и заставил стать на колени. Учитель кричит при учениках: «Это бесчеловечно, жестоко так наказывать учеников. Вас самого поставить на колени, как Вам покажется?» [6, л. 98–99 об.].

Священник в этой истории выступил как поборник авторитарной системы воспитания, где беспрекословное подчинение старшим — неоспоримая истина. Поведение учителя свидетельствует о его более либеральных взглядах, стремлении проявить уважение к личности ученика. Очевидно, что законоучителя как носители более патриархальных взглядов, религиозной системы ценностей зачастую выступали сторонниками воспитания послушности и кротости в учениках, не брезгуя при этом силовым принуждением.

Противоречия между учителем и священником-законоучителем училища были

нередким явлением в образовательной среде того времени. В этих конфликтах, кроме случаев взаимного личного неприятия, чаще всего проявлялось соперничество в степени влияния на детей, несогласие в методах воспитания, разные представления о типе формируемой личности.

Учителя часто обвиняли законоучителей в нерадении к своим обязанностям по школе. В 1895 г. учитель Любичского сельского начального народного училища обратился к Его Высокоблагословению, отцу-законоучителю Любичского сельского училища: «Согласно циркулярного предписания г. Инспектора народных училищ Николаевского уезда, Вы обязаны объявлять несколько раз в церкви крестьянам о начале учения в училищах и о приеме в оно, но уже очень короткое время осталось до учения, а Вы ничего не делаете, не помните своих обязанностей по училищу» [20, л. 124].

Наиболее распространенной причиной невнимания священнослужителей к своим школьным обязанностям была их загруженность своими основными заботами приходского священника и занятиями сельским хозяйством для прокорма семьи. Штатный смотритель Чембарского уезда сообщал в 1867–68 гг.: «При многих церквях открыты церковно-приходские школы. Но во многих дела идут неудовлетворительно. Причина в недостатке средств учредителей, учредители часто отвлекаются на дела своей службы по церквям и приходу. Большая часть уездного духовенства занимается обработкой земли, что немало отвлекает их от школы» [1, л. 156]. «Пензенские губернские ведомости» за 1900 г. сообщали: «Члены причта пропускают уроки вследствие требоисправлений, особенно в дни храмовых праздников и эпидемий» [14, с. 132]. В 1895 г. священник села Костычей Н. Благосклонов оправдывался перед Гурием, епископом Самарским и Ставропольским: «Инспектор народных училищ Самарского уезда обвиняет меня в неисполнении обязанностей законоучителя. Однако у меня 2 прихода, 6000

душ населения, 11 деревень, 2 ЦПШ и только один член причта в помощниках [20, л. 225–225 об.].

Школьные власти принимали меры различного характера к поддержанию дисциплины и религиозной настроенности и учителей, и учеников. В 1886 г. директору народных училищ Самарской губернии поступило донесение от инспектора народных училищ Бугурусланского и Бугульминского уездов: «В Бугурусланском городском двухклассном училище мне пришлось не раз заметить, что на общей молитве из учащихся присутствует только один заведующий училищем. Прочие же учащие, не исключая и отца-законоучителя, на молитву приходили к концу ея, или прямо шли на уроки, а после уроков шли домой, не дождавшись молитвы. Я счел долгом высказать Педагогическому Совету училища на педагогическое значение такого отношения преподавателей к общей молитве. Педагогический совет училища принял постановление: обязательное посещение молитвы всеми педагогами» [19, л. 73].

Распоряжение Инспекции училищ после осмотра школ Ардатовского уезда Симбирской губернии в 1893 г. гласило: «Учителю предложено во время Богослужения в церкви непременно становиться на клирос и петь вместе с учениками, не оставлять без объяснения слова, такие как «всенощная». Читать молитвы утренние перед началом урока непременно по молитвослову. Утренние молитвы непременно петь, а не читать, после нескольких стихов из Св. Евангелия стоять на Богослужении даже тогда, когда оно происходит под руководством законоучителя [4, л. 67 об.].

Циркуляр Директора училищ Пензенской губернии 1867 г. содержал распоряжение: «Попечитель округа Шестаков предложил Педагогическому совету Пензенской гимназии приглашать родителей учеников к содействию учебному начальству при наблюдении за исправным хождением учеников гимназии в Храм Божий. В той утешитель-

ной уверенности, что от ревностного исполнения сего долга зависит верное, прочное и полное развитие и настроение их душевных сил, и от нерадения о нем происходит забвение всех других обязанностей, умножается бессилие для всего доброго и иссякает вера» [1, л. 6–7].

Школьная инспекция считала себя ответственной за поведение учащихся и вне школы. Учитывая особенности детской психологии, педагоги и законоучителя разными способами поощряли наиболее прилежных учеников, о чем сказано в статье из «Пензенских губернских ведомостей» за 1900 г.: «Школьники принимают участие в богослужении. Им поручается чтение, пение, прислуживание, более благонравным с разрешения Преосвященного разрешается надеть стихари. По воскресеньям разрешается ученикам земских школ принять участие в богослужении. Между утренней и литургией священники проводят беседу о значении праздника, о житии святого» [15, с. 3].

Интересный случай произошел в Алатырском уезде в 1871 г. Педагогический совет Алатырского уездного училища по предложению штатного смотрителя обсудил проступки учеников в Рождественское вакационное время: «Следуя обычаю наряжаться на Святки, ученики разучили одно из солдатских представлений «Царь Максимилиан и его непокорный сын», и разыгрывали его по частным домам, получая за свое искусство известную плату. Они зашли и в гостиницу, где дали представление, что и вызвало обсуждение на Педагогическом совете, так как ученики были предупреждаемы, что посещения гостиницы и подобных заведений им запрещены. Заключение Совета: во-первых, совершен проступок во внеучебное время, когда ученики находятся под надзором родителей; во-вторых, заходили ученики в гостиницу не с предосудительной, на их взгляд, целью, поэтому нельзя смотреть на проступок как на нарушение запрещения; в-третьих, проступок совершен вследствие увлечения и желания получить

плату; в-четвертых, случай исключительный, непослушания этих учеников до этого не было. Решение Совета: отнестись к проступку снисходительно, ограничившись выговором и заявлением родителей, что впредь подобное будет строго преследоваться. Ученики следовали святочному обычаю» [10, л. 4–5 об.].

Этот случай иллюстрирует не столько религиозный настрой детей, сколько естественное для их возраста восприятие святочного обычая как игры, к чему присоединилось их желание получить небольшие деньги на карманные расходы. Решение педагогического совета выглядит вполне взвешенным. Однако в конце этого протокола члены совета боязливо запрашивают мнения дирекции народных училищ губернии: «Могут ли дети следовать святочному обычаю?». Религиозное воспитание считалось вопросом государственной важности, и педагогический совет уездного училища боялся брать на себя ответственность за окончательное решение в этой ситуации.

Следует отметить, что церковные власти порой проявляли даже больше лояльности и прагматизма в отношении методов религиозного воспитания, нежели некоторые светские деятели образования. В 1895 г. Епископ Самарский и Ставропольский написал директору училищ Самарской губернии: «Инспектор Бузулукского уезда сообщил, что законоучитель земской школы Максимов, вопреки его распоряжению, переданному через учительницу, о неуклонном исполнении узаконенных правил МНП о том, чтобы учащиеся в школах говели на страстной неделе, заставил учеников местной земской школы говеть на четверг. Объяснил это тем, что учащимся было неудобно в плохой обуви ходить по воде и грязи. Идет подготовка крестьян к полевым работам, многие мальчики вынуждены остаться дома. Ранее определение детей в работники заставляло их говеть на первых неделях Великого поста. Продолжительность службы на страстной неделе, которую нелегко спокойно про-

стоять на одном месте не только детям, но и привычному человеку. Священник также руководствовался религиозно-воспитательными причинами: религиозные обязанности следует выполнять своевременно, тем более исповедь и причащение. Епископ просит не стеснять священников-законоучителей безусловными требованиями приурочивать говенье учеников в земских школах непременно к страстной неделе, а предоставлять это на их усмотрение, по их местным удобствам. Неудобно допускать в эти дела вмешательство учителей» [20, л. 25].

Постепенная эволюция традиционного религиозного мышления к более рационалистическому, светскому сознанию не могла проходить безболезненно для многих категорий населения, особенно для священнослужителей как носителей религиозной системы ценностей, идеи соборности и сторонников привычных патриархальных норм жизни. Приведенное ниже обращение священника М. Петрова села Теликовки Николаевского уезда к директору училищ Самарской губернии 1895 г. напоминает «крик души» человека, внутреннее мироощущение которого страдает от чуждой ему социально-психологической атмосферы: «Ваше Высокородие! Прошу извинить меня за фамильярность. Училищное здание в порядке, а набора мальчиков не производится. Учитель разладился здоровьем. Живем мы в захолустье волжском, в среде многочисленного рабства. Село 500 душ православных, раскольников более 800. Такие обстоятельства мне, старику шестидесяти лет, очень не нравятся. Прежде все шли плавно в союзе любви христианской, а теперь — увы! Только слушай пересуды, перегляды, жалобы, вопли и слезы. Существуют между людьми XIX века: эгоизм, самолюбие, гордость, надутость и прочие непотребства. Предстоит много работы тому, кто приставлен к рулю общественной народной жизни» [20, л. 271–271 об.]. В этом несколько сбивчивом обращении священника слышится тоска по некоей прежней идиллической жизни в мире и

христианской любви, где нет места негативным следствиям наступавшей эпохи индивидуализма: эгоизму, самолюбию, гордости.

Таким образом, в образовательной среде поволжских губерний второй половины XIX — начала XX века мы наблюдаем медленную трансформацию системы ценностных ориентаций. Религиозность, набожность занимали еще прочные позиции в массовом сознании крестьянства, горожан, учительской среде и соотносились с гармоничным нравственным развитием. Сохранялся «социальный заказ» на формирование в детях свойств характера, свойственных традиционной православной ментальности, таких как послушность, смирение, кротость. Церковно-приходская школа все еще отвечала социокультурным запросам большей части населения. Учебный процесс во всех типах училищ нередко прерывался религиозными праздниками, школьная жизнь была пронизана религиозными традициями. В структу-

ре массового сознания религиозность была тесно связана с сакральностью монаршей персоны, почитание которой наблюдалось в школьной среде. В системе образовательных ценностей крестьянства сохранялся приоритет нравственно-воспитательных, а не обучающих функций начальной школы.

С другой стороны, школьные источники изучаемого периода содержат свидетельства появления ростков рационализма, нигилизма, неподчинения авторитетам и в ученической, и в учительской среде, факты снижения влияния священнослужителей на население, появления дискомфорта среди старшего поколения от несоответствия его мироощущения новой социально-психологической атмосфере.

Образовательная среда стала одной из общественных сфер, где ярко проявилась социокультурная тенденция переходной эпохи: от религиозного к светскому сознанию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 81. Оп. 1. Д. 700.
2. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 82. Оп. 1. Д. 266.
3. ГАУО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 329.
4. ГАУО. Ф. 768. Оп. 1. Д. 22.
5. ГАУО. Ф. 768. Оп. 1. Д. 32.
6. ГАУО. Ф. 768. Оп. 1. Д. 44.
7. ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 231.
8. ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 281.
9. ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 393.
10. ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Д. 542.
11. *Кантерев П. Ф.* История русской педагогики. Петроград: Изд-во «Земля», 1915. 746 с.
12. Пензенские губернские ведомости. 1900. № 3.
13. Пензенские губернские ведомости. 1900. № 73.
14. Пензенские губернские ведомости. 1900. № 77.
15. Пензенские епархиальные ведомости. 1895. № 2.
16. Пензенские епархиальные ведомости. 1895. № 4.
17. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 360. Оп. 30. Д. 32.
18. ЦГАСО. Ф. 360. Оп. 37. Д. 6.
19. ЦГАСО. Ф. 360. Оп. 46. Д. 25.
20. *Шемякин В. И.* Церковная школа и духовная бюрократия. СПб.: Тип. Монтвида, 1908. 30 с.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti (GAPO). F. 81. Op. 1. D. 700.
2. Gosudarstvennyj arhiv Ul'janovskoj oblasti (GAUO). F. 82. Op. 1. D. 266.

3. GAUO. F. 82. Op. 1. D. 329.
4. GAUO. F. 768. Op. 1. D. 22.
5. GAUO. F. 768. Op. 1. D. 32.
6. GAUO. F. 768. Op. 1. D. 44.
7. GAUO. F. 932. Op. 1. D. 231.
8. GAUO. F. 932. Op. 1. D. 281.
9. GAUO. F. 932. Op. 1. D. 393.
10. GAUO. F. 932. Op. 1. D. 542.
11. *Kapterev P. F.* Istorija ruskoj pedagogii. Petrograd: Izd-vo «Zemlja», 1915. 746 s.
12. Penzenskie gubernskie vedomosti. 1900. № 3.
13. Penzenskie gubernskie vedomosti. 1900. № 73.
14. Penzenskie gubernskie vedomosti. 1900. № 77.
15. Penzenskie eparhial'nye vedomosti. 1895. № 2.
16. Penzenskie eparhial'nye vedomosti. 1895. № 4.
17. Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti (CGASO). F. 360. Op. 30. D. 32.
18. CGASO. F. 360. Op. 37. D. 6.
19. CGASO. F. 360. Op. 46. D. 25.
20. *Shemjakin V. I.* Tserkovnaja shkola i duhovnaja bjurokratija. Pg.: Tip. Montvida, 1908. 30 s.

T. B. Молчанова

ОСОБЕННОСТИ ПРИЁМА СТУДЕНТОВ В ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВУЗЫ В 1950–1960-е годы

Статья посвящена специфике поступления студентов в вузы Ленинграда в период «оттепели». Автор уделяет внимание отраслевой популярности высших учебных заведений и престижным специальностям, связанным с общеэкономическими процессами в стране. В материале предоставляется информация об условиях комплектации вузов, о льготных условиях поступления для ряда категорий лиц, о подготовительных курсах для будущих студентов. Кроме того, затрагиваются психологические мотивы поступления советских молодых людей в те или иные высшие учебные заведения, а также организация процесса поступления в ленинградских вузах.

Ключевые слова: студент, поступление, высшее учебное заведение, экзамен, специальность.

T. Molchanova

Students' Admission to Leningrad HEIs in 1950–1960s

This article focuses on students' admissions to Leningrad universities during the «thaw» period. The popular HEIs and prestigious occupations related to general economic processes in the country are discussed. The article provides information about privileges certain categories of persons, preparatory courses for candidates and psychological motives of Soviet young people in choosing certain HEIs as well as the organization of the admissions process at the Leningrad HEIs.

Keywords: student, intake, higher education institution, exam, specialty.

Деятельность любого высшего заведения обуславливается контингентом учащихся в нём студентов. В этой связи особое значение приобретает процедура приёма молодых людей для обучения в вузы. При этом правила и условия поступления в Совет-